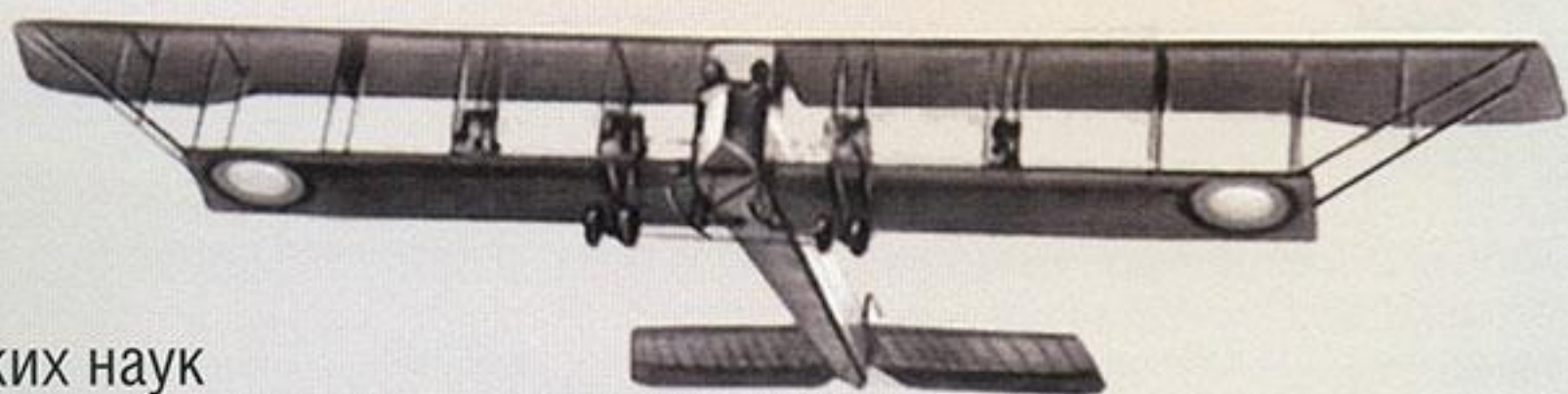


В. А. Рунов,
кандидат исторических наук



Великая война

АРМИЯ НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ



*К*онфигурация мировых противоборствующих сил определилась в начале XX века. Тогда же стало ясно, что столкновения им не избежать, и штабы принялись планировать боевые действия на Европейском театре. Перед Россией стояла задача вдвойне сложная: защитить свои интересы и реабилитироваться за поражение на Дальнем Востоке. Главным её соперником становилась кайзеровская Германия.





Генерал-фельдмаршал А. фон Шлиффен



Генерал Я. Г. Жилинский



Генерал А. Ф. Бринкен

Германский Генеральный штаб готовился к «скоротечной наступательной войне», план которой разработал генерал-фельдмаршал Альфред фон Шлиффен (1833–1913). Он полагал, что «военная машина, требующая миллионов на своё содержание, не может долго стоять [...] и мы должны изыскивать возможность быстро разгромить и уничтожить врага [...] Поэтому, начавшись весной, война до осеннего листопада должна быть окончена полной победой над противником».

Важнейшим условием успеха Шлиффен считал внезапность и мощь первого удара: преимущество будет за тем, кто нанесёт его «всеми силами». Его стратегия предполагала взаимодействие войск без непосредственной тактической связи: «Речь должна идти не о соприкосновении частей на местности, а об их внутренней связи, необходимой для того, чтобы на одном поле сражения боролись за победу на другом». Грядущая война виделась ему как маневренная: «Чтобы добиться решительного и сокрушительного результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, то есть с фронта и с одного или с обоих флангов» [6, с. 380].

В последующем «План Шлиффена» был передан новому начальнику Большого Генерального штаба генералу Х. Мольтке-младшему, который доработал его в соответствии с обстановкой и возможностями войск. В Германии не сомневались, что судьба войны будет решаться в сухопутных сражениях.

В России последние годы накануне Первой мировой войны, напротив, прошли в остром соперничестве между армией и флотом. Каждый из этих видов вооружённых сил требовал к себе внимания, но уже с первых шагов приоритет был отдан флоту. В высших политических кругах маячил пример Великобритании: «Создав себе в нужный срок военный флот достаточной силы, Россия сразу достигнет того, что союза с нею будут искать самые сильные державы мира, и от России самой будет зависеть использовать эти предложения для достижения тех или других политических выгод, необходимых ей для своего упрочнения [...] Истратить несколько сот миллионов рублей для того, чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение, стоит: они окупятся очень

быстро многими и многими политическими последствиями» [5, с. 24–25].

Николай II решительно поддерживал моряков и дипломатов, не желая слушать просьбы и требования Военного министерства уделять больше внимания реорганизации и развитию армии. Высшее армейское руководство, Совет государственной обороны (СГО), будучи не в состоянии переубедить Императора, вынуждены были смириться. «Ничего сделать нельзя, — с грустью признавал начальник штаба Петербургского военного округа генерал А. Ф. Бринкен. — Государь, всегда такой добрый и мягкий, при всякой попытке кого бы то ни было сказать что-нибудь против флота, буквально свирепеет, хлопает кулаком по столу и не желает ничего слушать. То же было и с Великим князем Николаем Николаевичем, председателем СГО, выступавшим против строительства флота. Это просто какой-то гипноз, и морское начальство делает благодаря этому, что хочет» [1, с. 124–125].

В руководстве армии начался разброд. Большой знаток военной истории А. А. Керсновский писал: «Совет государственной обороны — многоголо-



Великий князь
Николай Николаевич Романов

вый анархический организм — оказался совершенно не в состоянии справиться со своей сложной и ответственной задачей. Заседания этого разношёрстного “Ноева ковчега” носили характер совершенно сумбурный. Заседания Совета государственной обороны Столыпин характеризовал “бедламом”, Великий князь Сергей Михайлович —

“кошачьим концертом”, а генерал Палицын — один из инициаторов этого учреждения — просто “кабаком”».

Малая судостроительная программа 1907–1911 годов, разработанная Морским Генеральным штабом, после долгих споров, заседаний и обсуждений в различных инстанциях была утверждена. Летом 1909 года Морское министерство получило возможность приступить к постройке четырёх новых линкоров для Балтийского флота: «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава». В конце 1911 года в Николаеве были заложены три линейных корабля типа «Императрица Мария». Одновременно для Черноморского флота началось строительство девяти эскадренных миноносцев и шести подводных лодок.

Новый морской министр адмирал И. К. Григорович направил царю 25 марта 1911 года обстоятельный доклад о недопустимости дальнейшего промедления со строительством кораблей для Балтийского фло-



Адмирал И. К. Григорович

та. Доклад был одобрен царём и правительством, и 19 декабря 1912 года в Петербурге состоялась закладка четырёх линейных крейсеров — «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин», несущих по двенадцать 356-миллиметровых орудий, двадцать четыре — 130-миллиметровых, несколько зенитных и других орудий меньшего



Николай II на борту крейсера «Рюрик». 23 сентября 1908 года



Винтовка системы Мосина образца 1891 года

калибра. По тому времени это были самые сильные крейсера в мире.

В следующем году на Путиловском заводе в Петербурге и в Ревеле были заложены четыре лёгких крейсера и ещё два заказаны германской фирме «Шихау» в Эльбинге. Последние, оснащённые паровыми турбинными установками, строились главным образом для учебных целей. В это время на Путиловском заводе уже был спущен на воду «Новик» — первый эскадренный миноносец с энергетической установкой, работавшей на нефти. По тактико-техническим характеристикам он заслуженно считался лучшим в своём классе. По проекту «Новика» было заказано ещё 36 эсминцев со сроком готовности последнего к 15 апреля 1916 года для Балтийского флота. Для него же было заложено 12 подводных лодок.

На этом фоне перевооружение армии выглядело более чем скромно. До 1909 года русская пехота в основном была вооружена трёхлинейными (7,62-мм) винтовками системы Мосина обр. 1891 года, а на вооружении её артиллерии находились трёхдюймовые (76-миллиметровые) пушки обр. 1902 года и 48-линейные (122-миллиметровые) гаубицы обр. 1900 года.

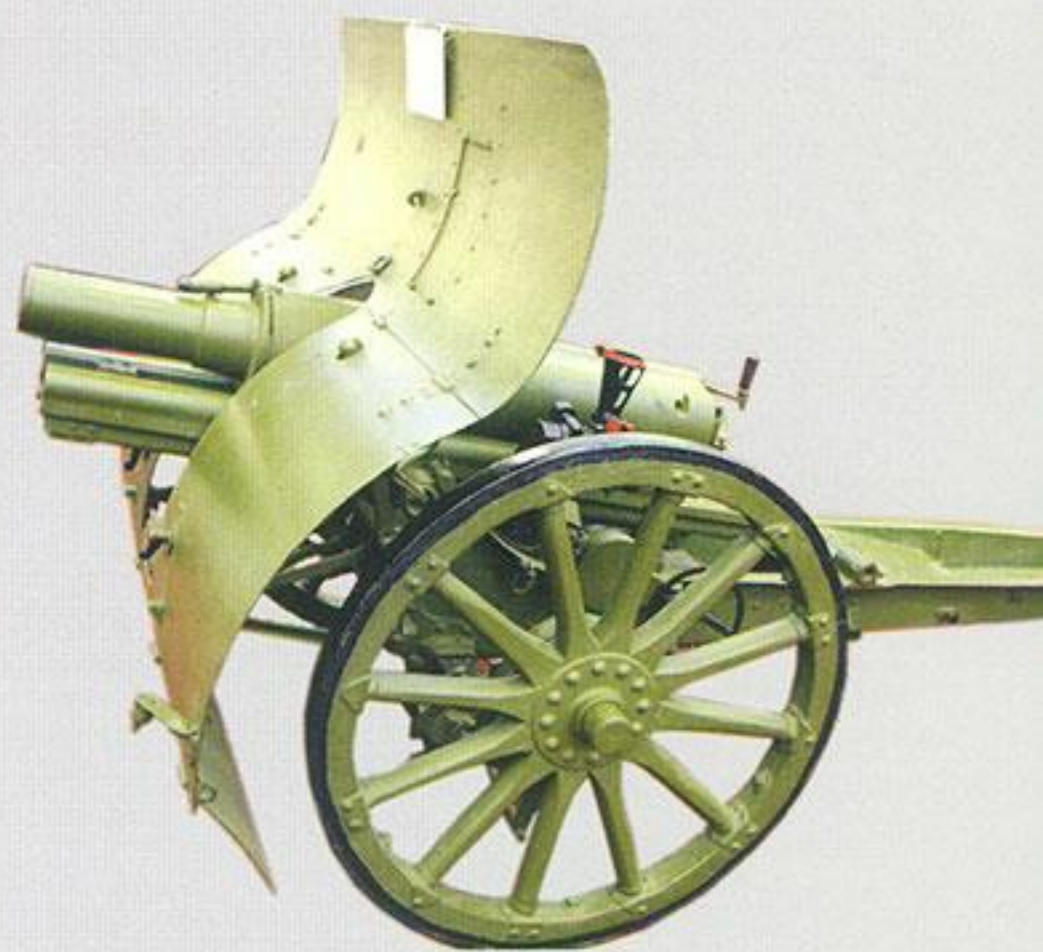
В марте 1909 года военным министром был назначен В. А. Сухомлинов. Он провёл ряд реформ для упрощения организации армии и усиления её материальной части. Повышалась огневая мощь частей и соединений за счёт введения в их состав пулемётных команд. В 1909 году на оснащение артиллерийских частей были приняты трёхдюймовая горная пушка и шести-

дюймовая гаубица. Годом позже были разработаны новые образцы 42-линейной пушки, а также 48-линейные мортиры. Каждый корпус получил по мортирному дивизиону (12 орудий).

Для улучшения управления в войска в звене армия-корпус вводятся искровой телеграф. Формируются первые отдельные автомобильные части. По инициативе Великого князя Александра Михайловича при каждом корпусе создаётся авиационный отряд, и к началу войны в составе 39 отрядов насчитывалось 216 разнообразных летательных аппаратов [3, с. 141].

Однако серьёзного перевооружения армии добиться не удалось во многом из-за трений в высшем военном руководстве. «Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с Великим князем Николаем Николаевичем. С крушением Совета государственной обороны и выдвижением Сухомлинова вражда между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми перешла в открытую ненависть. На фоне этой ненависти и борьбы двух течений — поверхностно-новаторского великокняжеского и ретроградно-бюрократического сухомлиновского — и прошли для русской армии последние пять лет перед Мировой войной» [5, с. 37].

Планы действий русских войск на Западном театре разрабатывались с конца XIX века. Основная идея сводилась к тому, чтобы использовать выгодное положение Царства Польского (Передовой театр), вдававшегося вглубь вражеских территорий. Опираясь на систему крепостей, предполагалось нанести мощный удар по сообщениям



Трёхдюймовая горная пушка образца 1909 года. Фотография В. В. Кузьмина. 2009 год

противника: в тыл германской группировки в Восточной Пруссии и вдоль берегов Вислы в тыл Восточной Галиции по австрийцам.

План неоднократно уточнялся. Одни предлагали главный удар наносить по Германии, другие — по Австро-Венгрии. Ярым сторонником первого варианта выступил генерал М. И. Драгомиров, который считал, что прежде следует нейтрализовать наиболее опасного врага. Причём он предлагал даже наступать из Польши по кратчайшему направлению прямо на Берлин. Решительность Драгомирова испугала робкую и половинчатую натуру тогдашнего военного министра генерала Куропаткина, и под давлением последнего за основу был принят второй вариант.

С начала XX века разработка планов войны возлагалась на Генеральный штаб, высший орган управления сухопутными войсками. С 1905 по 1908 год его возглавлял генерал Ф. Ф. Палицын. В это время появился стратегический план полковника Ю. Н. Данилова (Чёрного) — тогда 1-го квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Он считал, что Германия нанесёт



Генерал М. И. Драгомиров. Гравюра Г. Франка с картины И. Е. Репина

главный удар к северу от Полесья, куда будут переброшены и войска австрийцев. Поэтому почти все дивизии он предлагал сосредоточить в районе Свенцяны — Барановичи и развернуть там четыре армии. Конкретной задачи армиям не ставилось, а их командующие должны были «действовать по обстоятельствам». На практике это означало, что с начала войны инициатива отдаётся противнику.

В военном деле это считалось недопустимым, на что обратили внимание специалисты. Но в армии началась кадровая чехарда, и голоса их услышаны не были. В начале 1909 года начальником Генерального штаба был назначен генерал А. З. Мышлаевский, в конце года его сменил генерал Е. А. Гернгросс. Не имея серьёзного опыта штабной работы, авторитетом он не пользовался. По словам генерала А. С. Лукомского, «он был хороший строевой начальник, безукоризненно порядочный и умный человек, но для должности начальника Генерального штаба он был совершенно не подготовлен». Тем не менее, под давлением Гернгросса в сентябре 1910 года за основу был принят план Ю. Н. Данилова.

Не прошло и полгода, как Гернгросс был отправлен в отставку, а на его место пришел генерал Я. Г. Жилинский. Он прислушался к единодушным протестам против плана Ю. Н. Данилова в штабах военных округов. На совещании их начальников в феврале 1912 года план был вовсе признан пораженческим. Особенно возражал начальник штаба Киевского военного округа генерал М. В. Алексеев. Он требовал действовать наступательно и так, чтобы каждая армия имела конкретные задачи. Главный удар он предполагал наносить по Австро-Венгрии, для чего главные силы сосредоточить в полосе Юго-Западного фронта. Против Германии предлагалось оставить всего шесть армейских корпусов, которые своими действиями должны были связать противника.

Главному управлению Генерального штаба пришлось уступить. Выработка новых основ плана развёртывания была поручена специальной комиссии во главе с генералом А. И. Постовским. Она пришла к мнению о необходимости нанести главный удар по Австро-Венгрии, притом что войска Северо-Западного фронта начнут наступление в Восточной Пруссии. Эти предложения и



Генерал Ю. Н. Данилов

легли в основу нового оперативного плана, принятого в мае 1912 года. Северо-Западному фронту ставилась задача нанести поражение германским войскам и овладеть Восточной Пруссией, Юго-Западному фронту — нанести поражение австро-венгерским войскам, отрезав им отход за Днестр и на Краков.

В августе 1913 года в Красном Селе состоялось очередное совещание начальников генеральных штабов Франции и России. В его работе участвовали генерал Ж. Жоффр от Фран-





Генерал Ж. Жоффр

ции и генерал Я. Г. Жилинский от России. Обсуждалось взаимодействие двух армий, причем Жоффр настаивал, чтобы русские начали операции на пятнадцатый день мобилизации. Жилинский согласился, хотя по расчётам отечественных специалистов это можно было сделать не ранее чем на восемнадцатый.

Здесь же, «на месте», под давлением генерала Жоффра были скорректированы направления удара русских войск против Германии. Наступление представлялось начать в по-



лосе от Нарева на Алленштейн (в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии) или прямо на Берлин (если бы немецкое командование сосредоточило свои главные силы в районе Торн, Познань). Такое обязательство сильно стесняло стратегическую свободу российского командования, но возражения русских были отвергнуты.

Обсуждались и возможные военные действия. Было признано совершенно необходимым добиться быстрого и решительного успеха. Неудача французских армий в начале войны позволила бы Германии перенести освободившиеся силы на Восток, а их успех облегчил бы операции русских армий. Русские высказали пожелание, чтобы Франция обеспечила значительное численное превосходство своих войск над германскими.

Генерал Жоффр настаивал, чтобы русская группировка создала в Варшавском округе прямую угрозу Германии уже в мирное время, на что Жилинский заявил, что формирование армейского корпуса там рассматривается.

В целом, на совещании союзников Жоффр сумел подчинить решение ключевых вопросов интересам своей страны, чего нельзя сказать о Жилинском. Многие в высших правительственных и военных кругах напрямую обвиняли его в «близорукости». Возможно, именно поэтому в начале 1914 года генерал был переведён на должность командующего войсками Варшавского военного округа.

На его место в Генеральный штаб пришёл генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич, при котором вновь возшла звезда генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова, теперь уже в чине генерал-лейтенанта, курировавшего во-

Приезд Великого князя Николая Николаевича в Ставку



Начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич. Фотография 1914 года

енную разведку. На территории вероятного противника предполагалось задействовать военных агентов с собственной агентурой. В Турцию был направлен генерал-майор М. Леонтьев, в Австро-Венгрию в январе 1914 года — полковник О. Энкель, в Германию — полковник С. Потоцкий, который прибыл в Берлин буквально за две недели до начала войны. Организовать собственную разведывательную деятельность в стане ключевых противников Генштаб не успел.

Определённые надежды возлагались на разведывательные отделения штабов приграничных военных округов: Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского и Кавказского. Считалось, что основную информацию в случае войны они будут получать из штабов армий и корпусов, чтобы затем передавать в штаб фронта, а оттуда в Ставку. Однако штабы армий и корпусов в мирное время разведкой практически не занимались, а быстро наладить её при наступлении войны было проблематично.

Россия вступала в Мировую войну не с самой оснащённой, но вполне боеспособной армией, однако без отработанной системы управления. Высшее звено формировалось исходя из возрастного ценза, служебной субординации и авторитета в «ближнем кругу». Сказывались подверженность военного министерства влияниям групп интересов, постоянное давление со стороны союзников по Антанте, отсутствие надёжной разведки, нечёткость оперативных планов. Быстро справиться с этой инерцией было сложно, к тому же и в годы войны командующие фронтами и армиями менялись часто, причём средний их возраст колебался в пределах 60–65 лет.

Начавшиеся в августе 1914 года военные действия с участием многомиллионных вооружённых сил развертывались одновременно на огромной площади, включавшей территорию современной Польши, западных районов Украины, Белоруссии, стран Прибалтики. С самого начала война приобрела совершенно не тот характер, на который рассчитывало государственное и военное руководство. Впрочем, не только российское. Немецкие планы покончить с противниками «до осеннего листопада» оказались куда большей утопией.

Армии с первых дней пришлось учиться воевать не по старым прописям, а по обстановке.

Например, никакие Уставы не требовали закрепления на захваченных позициях. Героические штурмы завершались тем, что войска расквартировывались по занятым населённым пунктам, откуда противник вновь их выбивал. Многие городки и селения по несколько раз переходили из рук в руки. Только с накоплением непосредственного боевого опыта стало возможным адекватное планирование действий на всех уровнях.

Остро стояли вопросы оперативно-стратегического управления, которые прорабатывались перед войной, но не были проверены на практике. В первую очередь предстояло наладить координацию Ставки Верховного Главнокомандующего и управлений фронтов. Ставка ВГК размещалась вначале в Барановичах, затем в Могилёве, в 200–250 км от линии фронта. Пункты управления фронтов дислоцировались, как правило, в крупных населённых пунктах в 75–350 км от Ставки, а в 30–60 км от них находились пункты управления армий. Поскольку стационарная телеграфно-телефонная связь имела не везде, приходилось либо привязывать эти пункты к имеющимся точкам, либо прибегать к старым средствам: посыльные, почта.

Командующим и штабам армий и фронтов предстояло управлять войсками в совер-

шенно непривычном масштабе. Первоначально, по старинке, определялся только состав соединений, общее направление наступления и задача дня, причём без детальной оценки противника. Впоследствии штабам стали указывать разграничительные линии, состав резерва, задачи огневого поражения, место и время занятия командного пункта, задачи соседей и вышестоящего соединения. Объём информации для командующего увеличился более чем вдвое.

Развивается искусство обороны. От очаговой русская армия переходит в 1915 году к полевой позиционной, нередко в два-три эшелона. Подступы к сплошным траншеям прикрывались инженерными заграждениями. Для подавления такой обороны применялось большее количество артиллерии, а для развития успеха в Карпатском наступлении наряду с резервами впервые использовали второй эшелон.

Брусиловский прорыв 1916 года показал, что русская армия сумела извлечь уроки из прежних неудач. Впервые с помощью авиационной разведки были получены точные данные о системе обороны противника. При общей полосе фронта в 470 км было решено прорывать оборону одновременно на нескольких участках. За счёт этого удалось добиться превосходства над

Действие русской артиллерии

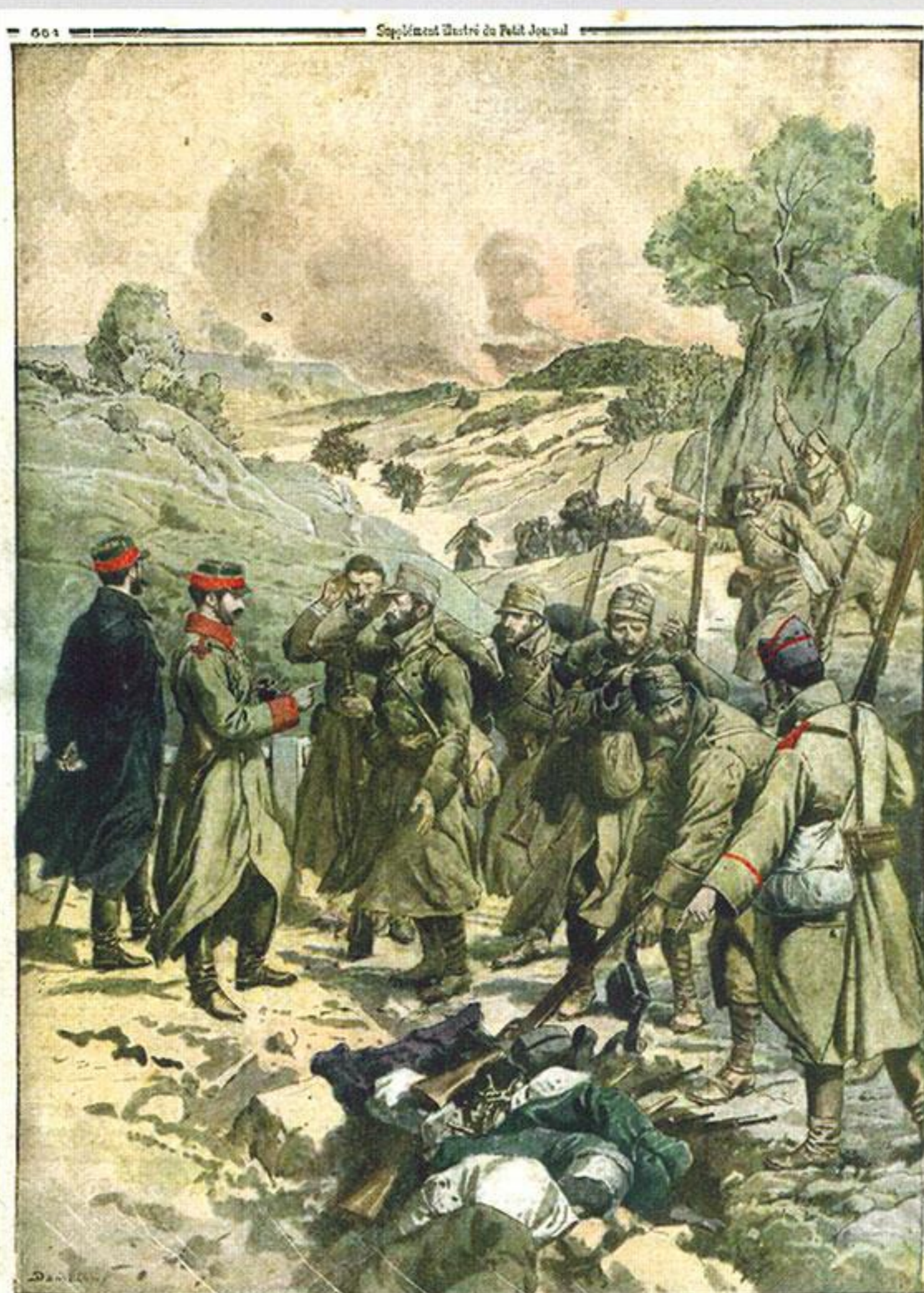


противником по пехоте в 2–2,5 раза, по артиллерии — в 1,5–2 раза. Хорошо было организовано взаимодействие пехоты с артиллерией. При подготовке операции впервые предложили такие методы поддержки атаки, как огневой вал (неосуществлённый из-за недостатка артиллерии) и последовательное сосредоточение огня. В ходе наступления авиация наносила бомбовые удары и вела пулемётный огонь по тыловым объектам противника.

За три с половиной месяца армии Юго-Западного фронта отвоевали от 80 до 150 км и заняли Луцк. Противник потерял убитыми и пленными почти 1,5 млн человек [2, с. 142–143]. По меркам Первой мировой, это был очень значительный успех. Армиям назначалась только задача дня на глубину продвижения от 3 до 6 км, поскольку артиллерийская подготовка и поддержка проводились на глубину 3–4 км. Более глубокое проникновение планировать было рискованно, так как мобильные кавалерийские соединения несли огромные потери, атакуя укрепленные позиции противника в конном строю. Очень часто они спешились и действовали как пехота. Это не давало развивать тактический успех в оперативный.

Таким же образом обстояли дела и на Западном фронте. В этих, одинаковых для всех, условиях русская армия проявила себя самым достойным образом. Новый уровень военного искусства, помноженный на стойкость русского солдата, позволил добиваться впечатляющих результатов. За три года войны русская армия взяла 2,2 млн пленных и 3850 орудий противника, её трофеи в шесть раз превысили трофеи остальных армий Антанты, взятых вместе [4, с. 164].

Невиданный масштаб и продолжительность военных действий, огромные матери-



APRÈS LA GRANDE VICTOIRE RUSSE
Fugards autrichiens à la frontière roumaine

«После великой победы». Австро-венгерские солдаты сдаются в плен русским войскам на румынской границе. Иллюстрация из французского издания «Le Petit Journal». 1916 год

альные расходы потребовали превращения страны в единый военный лагерь, совмещения высшей государственной и военной власти в одном лице. 23 августа 1915 года Николай II — впервые со времён Петра — принял на себя верховное командование. Это решение, стратеги-

чески верное (что подтвердил опыт Великой Отечественной) не смогло, увы, преодолеть глубокий общественный кризис, перекинувшийся и на армию. Достигнутые ею успехи были перечёркнуты крушением Российской империи, стоявшей в шаге от победы.

Литература и источники

1. Бринкени Л. Ф. Письма другу. М., 1916.
2. История военного искусства. М., 1961.
3. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. М., 1994.
4. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. М., 1994.

5. Коковцев В. И. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1926.
6. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924.
7. Шлиффен А. Канны. М., 1936.